

ПАВЕЛ **КОМАРНИЦКИЙ**

Далеко от Земли

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К63

Разработка серии и оформление *А. Саукова*

Иллюстрация на переплете *М. Петрова*

Комарницкий, Павел Сергеевич.

К63 Далеко от Земли / Павел Комарницкий . — Москва : Издательство «Э», 2017. — 384 с. — (СССР-XXI).

Сентябрь 1974 года. Советский Союз...

Четырнадцатилетний Антон поспорил с друзьями, что проведет ночь на Кунцевском кладбище, приковав себя к могильной оградке. Он не верит в оживших покойников, но когда видит бредущую между могил белую фигурку, то с трудом удерживается от дикого крика...

Десять лет спустя Антон — свежеспеченный инженер, который трудится в Научно-Производственном Объединении им. Лавочкина, где строят межпланетные станции. Антон один из участников легендарного проекта «Вега», курируемого Комитетом Государственной Безопасности. Романтик космических исследований и не подозревает, что таинственная встреча на кладбище, о которой он давно забыл, и его работа связаны самым непосредственным образом. И что будущее СССР зависит от того, удастся ли Антону вспомнить о девочке с загадочным именем Вейла...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Комарницкий П. С., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-95860-3

Пролог

ДОМ ВЕЧНОГО СОЛНЦА

Небо сияло едва заметной нежной голубизной, сгущавшейся в зените. Закинув голову, Иллеа глубоко вздохнула, втягивая в себя кристально прозрачный горный воздух. Только здесь, в полярных горах, небо бывает таким нереально голубым. Нигде больше. Даже на самых высоких горных вершинах в Поясе Зноя небо выглядит обычным — белое, сияющее, как хорошо начищенная алюминиевая тарелка. Громадная такая тарелища, опрокинутая над миром...

И только здесь, возле самого полюса, Солнце неизменно ласково и никогда не бывает тьмы. Дом Вечного Света... Вот уже больше шести тысяч дней и ночей стоит он тут, на плоской вершине. А до того, если верить хроникам, тут было первобытное капище, уходящее корнями в невообразимую древность...

Облокотившись на парапет, девушка обвела взором пейзаж. Даа... впечатляет, нечего возразить. Разноцветные клыки скал, торчащие из ковра буйной зелени, серебряные жилки горных рек, отсвечивающие радугами водопады... Дальше всё тонуло в дымке, неистово сиявшей в той стороне, где у самого горизонта пряталось солнце.

Вот интересно, какова тут видимость... тридцать тысяч шагов? или всё же двадцать? Забыла, надо же,

а ведь в школе ещё учила... Во всяком случае, вряд ли где-нибудь ещё можно вот так запросто обозреть целый край. В Поясе Зноя всё тонет в дымке уже в трёх-пяти тысячах шагов, а уж про Пояс Ветров и говорить нечего... Недаром сюда стекаются паломники со всей огромной Иноме — восторг гарантирован...

— Привет, Иллеа!

Девушка обернулась.

— Привет, Инмун!

Молодой человек, появившийся на обзорной галерее Дома Вечного Солнца, был одет куда легче девушки — на той по крайней мере имелось хоть какое-то платье, правда, оставлявшее открытыми груди, не говоря уже о ногах, поскольку подол одеяния представлял собой два нешироких полотнища, спускающихся от самой талии, спереди и сзади достававших до колен. В отличие от подружки весь костюм упомянутого Инмуна состоял из какого-то немислимого цветка, явно искусственного, неким хитрым способом державшегося на половых органах, служа им укрытием. Молодой человек подошёл к девушке и без малейшего смущения притянул её к себе, держа за талию.

— М... Отстань, Инмун, не место и не время... — Девушка облизала губы, смывая сочный поцелуй.

— Всегда место и время. Ты моя невеста, считай, почти жена.

— Невеста пока не жена, — вильнув станом, она высвободилась наконец из рук нахального парня. — Если кто увидит, что подумают о нашем воспитании?

— Глупости, немного позавидуют и забудут. Как там написано в одной древней книге: «Тело мужчины служит для переноски головы, тело девушки создано для ласк». А уж такое прекрасное, как у тебя, так полагаю, для ласк непрерывных.

— *Крупный нахал и мелкий льстец!* — Она засмеялась. — *Кто ещё приглашён на аудиенцию?*

— *Мне не сообщили. Сказали только, что Почтеннейший приглашает для важной беседы.*

— *Но ты в курсе, о чём пойдёт речь?* — *Девушка вновь оперлась о парапет.*

— *Я могу лишь догадываться. Ты, впрочем, тоже могла бы. Ты в курсе, что обитатели Иннуру уже вышли в космос?*

— *В курсе, конечно. Слушай, такие смешные погрешности...*

— *Прошу прощения, что вторгаюсь в вашу беседу, — на галерее возник ещё один персонаж, мужчина средних лет и довольно крепкого сложения. В отличие от Инмуна одеянием ему служил роскошно вышитый передник. — Почтеннейший сейчас освободится, так что прошу готовиться. Пройдёмте в приёмную, молодые люди.*

Все трое быстро зашагали по галерее, свернули на узкую лестницу, ведущую вниз. Во внутреннем дворике размерами с хорошую городскую площадь шумели фонтаны. Надо же, мелькнула у Илеа посторонняя мысль, уже шесть тысяч дней, и ничего, работают древние гидротараны... безотказно и неустанно поднимают воду с водопада сюда, в резиденцию Патриарха...

В приёмной, расписанной позолотой и яркими фресками, томился в ожидании посетитель — немолодой уже мужчина в переднике, не менее роскошном, чем у провожатого, доставившего сюда парня и девушку. Прикрыв глаза, он расслабленно покоился в овальном обруче, косо прикреплённом к полу, висел в воздухе, ни на что не опираясь. В углу за письменным столом располагалась девица с увязанной в «конский хвост» тугой копной волос, чёрных, как смоль. Секретарша

бойко водила пальчиками над столешницей, глядя на светящийся прямо в воздухе текст.

— Почтенный Ноллан! — Парень и девушка одновременно присели в приветственном реверансе.

— А! Мои отважные ученики! — сидевший в гравикресле открыл глаза, приветливо улыбаясь. — Впрочем, я должен был сам догадаться...

— Присаживайтесь, — адъютант кивнул на свободные обручи-кресла. — Я сейчас доложу Почтеннейшему.

Ждать пришлось совсем чуть.

— Прошу! — высунулся из двери адъютант. — Все втроем, пожалуйста!

В обширном кабинете царили прохлада и приятный рассеянный свет. Сам Почтеннейший сидел на своём рабочем месте в гравикресле.

— О, почтеннейший Хасехем! — Все трое присели в реверансе.

— Приветствую, приветствую вас, уважаемые. Вы, наверное, уже в курсе, зачем я взял на себя смелость оторвать вас всех от ваших важных дел?

— Мы догадываемся, Почтеннейший, — за всех ответил старший по команде, Ноллан.

— Да, да, всё верно. Аборигены Иннуру таки добрались до космоса. Пока они топчутся на низких орбитах, но, судя по всему, это закончится буквально вот-вот. Следовательно, нужно немедленно взять эту сферу их деятельности под наш неусыпный контроль.

Патриарх сделал многозначительную паузу.

— Как бы там ни было, наше инкогнито должно быть, безусловно, сохранено. При любом развитии событий. Мне бы хотелось выслушать мнение специалистов по данному вопросу.

Глава 1

ДЕТСКАЯ ШАЛОСТЬ

— ...Ну, не передумал? Или сразу принёс биноклю? — Борька, заложив руки в карманы, нахально ухмылялся.

— Мой бинокль при мне и останется. А ты давай кассетничек-то готовь!

— Ха! Смелый, пока светло. Ну давай, двигай!

Я лишь дёрнул плечом, не желая вступать в дальнейшие пустопорожние пререкания, повернулся и зашагал к воротцам, обозначавшим вход на кладбище. Борька с секундантами топал сзади своими вдребезги разношенными кедами, так, что можно было различать шаг с правой и левой ноги. Правая — шпок, левая — чвяк... наверное, вот-вот отвалится подошва... Хорошо бы отвалилась и похромал бы наш Борюсик обратно... так и надо за вредность ему...

Свежие могилки закончились, и сразу вокруг сгустился вечерний сумрак. В этой, старой части кладбища, меж могильных оградок вымахали деревья не хуже, чем в настоящем лесу, и косые предзакатные лучи не могли пробиться сквозь тесно сомкнутые кроны — листопад ещё только-только вступал в свои права, и лишь отдельные багряно-жёлтые листочки валялись под ногами. И сами захоронения вокруг

изменились. Вместо однообразно-унылых железных пирамидок и параллелепипедов вокруг громоздились мраморные плиты и целые изваяния, тут и там торчали каменные кресты. Наше кладбище вообще очень древнее, едва ли не со времён Пушкина, и здесь, в этом дальнем углу, ещё до революции хоронили всяких купцов первой гильдии да графьёв... короче, буржуев разных. Крестьян и рабочих, замученных теми буржуями, тоже хоронили, конечно, но подальше. Только там почти ничего уже не напоминало кладбище, даже могилки не разобрать среди буйно разросшихся кустов. Рабочие и крестьяне в царские времена ведь не могли ставить мраморных памятников, а деревянные кресты давно сгнили.

Заросли наконец расступились, и перед нами явилась церковь — древняя, с выбитыми окнами и сорванным шатром-кровлей. В боку строения виднелся изрядный пролом. Дед мне как-то рассказывал, будто уже перед самой войной, в сорок первом, решили разорить сей храм Божий, чтобы избавить освобождённый народ от поповского дурмана. И даже вроде как сгоряча хотели взорвать. Выделили комсомольцам взрывчатку, да только они её на другое дело отчасти употребили — рыбу глушить в заводи. Вот и не хватило остатка, чтобы часовенку-то обрушить, только дыру и проделали в стене. А тут бац — война. Ну и не до разорения церквей враз стало...

— Здесь годится? — Я остановился у витиеватой чугунной ограды, почти утратившей следы покраски и сильно заржавевшей — видать, давно не навещали усопшего родственники. За оградой в буйных зарослях травы виднелась массивная могильная плита из чистого белого мрамора, да с покосившегося

памятника-барельефа сурово взирал лик какого-то генерала... а может, и графа. Во всяком случае, полустёртые буквы на памятнике было уже не разобрать без фонаря.

— Можно и тут, отчего нет, — Борька тоже разглядывал памятник, и наглая ухмылка как-то сама собой улетучилась с его губ.

Димка, взявшись за край, с натугой распахнул проржавевшую калитку, истошный визг ржавого железа разнёсся по округе. В кронах деревьев где-то неподалёку всполошились, загалдели кладбищенские обитатели, серые вороны и галки.

— Уй, холодная! — Витёк, мой секундант в этом деле, тронул ладонью надгробие. — Надо травы на плиту накидать, не то околеть можно к утру.

— Надо так надо, — вновь не стал возражать Борька. — Заодно и могилку почистим этому графину. Бабка моя грит, богоугодное дело покойников обихаживать... Давайте уже скорей, пацаны, сейчас стемнеет!

Выдрать в тесном квадрате могильной ограды всю пожухлую траву вчетвером — дело минутное. Травы тутросло не то чтобы на небольшой стог, но для одного спального места вполне даже достаточно. Критически оглядев импровизированную постель, я развернул скатанное в тугой рулон верблюжье одеяло, принялся расстилать.

— Тоха, ты точно не примёрзнешь тут? — Витёк с сомнением оглядывал мои спальные принадлежности.

— Да не боись, не примёрзну, — я для убедительности оттянул ворот толстого свитера, торчавший из-под куртки. — Не зима ведь пока что!

— Ну вот тебе тут вода, если пить захочешь, — мой секундант помотал алюминиевой солдатской фляжкой. — Фляжку только аккуратней!

— Верну в целости, — улыбнулся я. Что значит друг, ведь подумал о такой мелочи, а я вот забыл...

Борька между тем уже гремел никелированной цепью, прилаживая её к чугунной ограде. Щёлкнул замок.

— Держи, Пурген! — Он протянул мне второй конец цепи, с совсем небольшим замочком.

— За пургена в нос получишь, понял?!

— Ладно, замаяли! — Борька хихикнул. — Узник совести, так лучше?

Вздохнув, я обернул вокруг щиколотки цепь, позаимствованную у Борькиного дворового пса Пургена (прозванного так за неуёмное стремление гадить везде, куда можно добраться), и защёлкнул дужку замка. Демонстративно выставил ногу — смотрите, всё без обману, не стащишь, замок не отперев. Борька, подпрыгнув, ухватил толстую ветку, протянувшую свою длань к самому монументу, подтянул и зажал под мышкой. Сморщив нос, выдернул из отросшей шевелюры волос и принялся с сопением привязывать к ветви крохотный ключик. Справившись наконец с ювелирной процедурой, мой оппонент осторожно отпустил ветку, и та закачалась над головой, уронив пару жёлтых листочков..

— Значит, так. Утром ключ висит — твой аппарат. Не висит — мой бинокль. Имеются вопросы?

— Давай-давай, цурюк нах хаус! — Я демонстративно развалился на «ложе». — Но чтобы завтра до восьми как штык! Восемь ноль одна — всё, конец договора! Я тут до обеда сидеть не собираюсь!

— Да тебя через час тут не будет, — нахальная ухмылка уже вновь всю гуляла на Борькином лице.

— Но тебя точно родичи не хватятся? — Витёк озирался.

— Ну сказал ведь, они с Ленкой в гости к бабуле укатили! Они только завтра к вечеру дома будут.

— Дверцу прикрыть? — Димка взялся за ржавую калитку.

— Да не, не надо, — поколебавшись секунду, отмахнулся я. — Ворон только пугать!

— Ну спокойной ночи! С покойниками! — Это Борька, разумеется.

Дождавшись, когда товарищи исчезнут из поля зрения, я закинул руки за голову, наблюдая, как последние лучи уходящего солнца один за другим покидают верхушку дерева. Вот ещё... ещё чуть... всё. Последний листок вспыхнул оранжевым пламенем и погас. Ну что... надо спать, пожалуй... а что ещё делать?

Вздохнув, я накинул на себя край верблюжьего одеяла. Вообще-то глупо, конечно. Вся затея глупая, и весь этот спор дурацкий донельзя. На «слабо» дураков обычно и ловят. Однако, как любит говорить наш сосед, бывший в войну энкавэдистом, — «назвался груздем — полезай в кузов». Может, взрослые дядьки и умеют как-то выкручиваться из таких вот дурацких споров, на то они и взрослые. Но не в четырнадцать лет. Тем более спор затеялся перед всем классом, так что отступать некуда...

В общем, поспорили мы с Борькой крепко и на кон выставили не щелбаны какие-нибудь — он японский кассетник, я старинный морской бинокль. А цепь, это уже, как говорится, на публику больше.

Ну и сжульничать трудновато, это да, при всём желаниии. Поди-ка отомкни хороший замок в такой-то темноте... тут и опытный вор-домушник навряд ли чего сможет, хоть со всеми отмычками... Отсутствие фонариков любого рода, кстати, Борька специально оговорил, выторговал, жучила. Так страшнее.

Небо, вот только что залитое червонным закатным золотом, на глазах бледнело. Внизу же стремительно скапливался сумрак, неуловимо переходя в уже самую настоящую ночную тьму. Зябко поёжившись, я поплотней закутался в одеяло и закрыл глаза. Надо спать, надо спать... спать до утра. Как убитый, ага. Ну в самом деле, не тарашиться же всю ночь, сидя на цепи, как Пурген. Этак и в самом деле с ума сойти можно. То куст под ветром шелохнётся, то что-то где-то скрипнет... треснет... Ну действительно, нельзя же всерьёз верить, что покойники по ночам из могил встают... вампиры там ещё... привидения... Про это в книжках можно читать, интересно, но верить в такие сказки советскому пионеру неприлично. Это же наше, советское кладбище, и не может тут быть никаких таких вампиров... и привидений... вампиров уж точно не бывает... не может быть на советском кладбище...

Вздвогнув, я открыл глаза. Кусочек неба над головой совсем погас, превратившись в тёмно-серое размытое пятно. Вокруг царил чернильный мрак, и я вдруг отчётливо понял смысл выражения — «хоть глаз выколи». Вот сейчас почернеет это серое пятнышко и непонятно будет, то ли открыты у меня глаза, то ли закрыты... Чёрт, надо было где-нибудь на новых могилках устроиться, вот что. Борька? Побухтел бы и спёлся. Потому что нету такого в уговоре,

чтобы непременно тут ночевать, в самом заброшенном углу... а на советских кладбищах вампиров всяких и прочих упырей быть не может в принципе... а тут зато кресты кругом... мне бабушка говорила, всякая нежить креста боится... и покойники, которые вставшие из могил, и упыри, и вурдалаки... а вампиры ещё и осины... тут же растёт осина, разве нет?.. непременно должна тут расти осина...

Небо наконец почернело, как и положено ночью, однако света меньше не стало. Серебряные лучики дробились, пробиваясь сквозь листву, так что земли достигали немногие, однако я обрадовался им, как восходу солнца. Вот славно, луна взошла... теперь уже точно нестрашно... и никаких упырей... и покойников восставших... который час?

Часы на запястье с едва заметно светящимися фосфорическими стрелками высветили время — одиннадцать пятьдесят семь. Уже почти двенадцать, вот это здорово... совсем немного до рассвета... полночь... как там в том стихе-то древнем... полночь уже наступила... вылезит ночная нежить, страшная чарами злыми... не, это не надо... надо хороший стих вспомнить, жизнерадостный...

...Мутное белое пятно приближалось, неслышно плывя по воздуху. Вот оно выступило из густой тени, и лунный свет отчётливо высветил белый саван, и бледное лицо, и чёрные волосы... Хорошо, что я подстригся под полубокс, мелькнула где-то на краю оцепеневшего рассудка посторонняя мысль, вот у Борьки сейчас патлы встали бы, как помело... что это так стучит-клатает в голове — неужто мои же зубы? Точно, зубы... только бы небрякнула цепь...